

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

А.С. Акимова

ТРАДИЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ «УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЫ» В РАССКАЗЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ДЕВУШКИ»

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129).

Рассматривается влияние литературной традиции изображения усадеб на творчество А.Н. Толстого. На примере рассказа 1913 г. «Девушки» впервые ставится проблема внутренних контактов писателя с И.А. Гончаровым. Применяемые в исследовании биографический, социокультурный и текстологический подходы к изучению текстов позволяют выявить сюжетные и текстовые аллюзии на роман И.А. Гончарова «Обрыв».

Ключевые слова: «усадебный текст»; интертекстуальность; И.А. Гончаров; А.Н. Толстой; текстология; социокультурный контекст.

Картину литературных влияний на А.Н. Толстого пытались создать и современники писателя, и исследователи его творчества. Наиболее полное представление о его связи с русской литературной традицией дает монография А.М. Крюковой. «...в творческом облике А.Н. Толстого, – отмечает исследователь, – воплотилась отечественная традиция, причем не только как точка отсчета, поиск пути к самому себе, но как навсегда сохранившийся в его творческом составе художественно-идеологический центр...» [1. С. 86]. Личные впечатления и наблюдения, зафиксированные в дневнике писателя, оформляются в рассказы, в которых критики видели «любопытную контаминацию литературных влияний» [2. С. 88] А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Г. Успенского, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова. Наиболее часто исследователи творчества Толстого обращаются к проблеме влияния Гоголя, что не является, по словам А.М. Крюковой, «случайным или “выборочным”... мощное влияние классика подчинило <...> все другие формы и проявления его связей с отечественной литературной традицией; внутренние контакты писателя с Достоевским, Тургеневым, Л. Толстым, Чеховым осуществлялись в его творчестве через гоголевскую художественно-идеологическую меру...» [1. С. 86].

Связь прозы Толстого с русской культурой начала XX в. и с русской национальной традицией изобразила О.А. Богданова на примере рассказа «Утоли моя печали» (1915), где писатель показал зародившийся еще в конце XIX в. разрыв между «столичной журнально-книжной литературой и животворящей национальной традицией, в которую на равных правах вписаны и земля, и православная вера, и дворянская усадьба, и церковь допетровской постройки» [3. С. 18]. Таким образом, в усадебных текстах 1910–1914 гг., по справедливому утверждению М.В. Глазковой, «феномен русской усадьбы получает новое воплощение» [4. С. 3]. Под «усадебным текстом» понимается «группа изоморфных в формальном и содержательном отношении конкретных текстов, выступающих в качестве его вариантов, которые

образуют сложное сочетание системных и внесистемных элементов инвариантного текста» (см.: [5. С. 161]). Усадьба становится не только местом действия событий, но композиционным и семантическим центром, определяющим расстановку действующих лиц, художественные приемы и интертекстуальные связи произведения. В последнее время изучению «усадебного текста» русской культуры придается большое значение. Об этом свидетельствует и переиздание монографии В.Г. Щукина «Миф дворянского гнезда: Геокультурологическое исследование по русской классической литературе» (1997), в которой рассматриваются зарождение и трансформация мифологии дворянской усадьбы, а также ее слагаемые (мифологема «сад», усадебные топоры «окно», «темные аллеи», «пустые комнаты» и др.).

Ряд писателей, чье влияние испытал А.Н. Толстой, можно продолжить именем И.А. Гончарова. Присутствие Гончарова в художественном мире Толстого наиболее явно в рассказах 1913 г. «Трагик» и «Девушки», местом действия которых становится уединенная усадьба. Наряду с рассказами Толстого 1909 г. «Соревнователь» и «Яшмовая тетрадь», циклом «Заволжье» (1909–1910), романами 1911 и 1912 гг. «Чудаки» («Две жизни») и «Хромой барин», повестью «Приключения Растегина» (1913) рассказы «Трагик» и «Девушки» можно причислить к «усадебным текстам» писателя. Так, например, действие рассказа «Трагик», основанного на произошедшем с режиссером Малого театра И.С. Платоном случае, происходит в неотапливаемом усадебном доме, за которым присматривает родственник хозяев, промотавшийся актер-трагик, Иван Степанович Кривичев [6. С. 109–116].

Рассказ «Девушки» был опубликован в 1913 г. в еженедельном литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Живое слово» с подзаголовком «Рассказ гр. А.Н. Толстого» и подписью: «Гр. Алексей Н. Толстой» [7. С. 2–4]. В дальнейшем он вошел в три издания «Сочинений» Толстого в «Книгоиздательстве писателей в Москве» (том 3 в издании 1913 г. и его переизданиях 1917 и 1918 гг.) и

больше при жизни автора не публиковался. Рассказ «Девушки» вошел в третий раздел тома под названием «Минувшее» наряду с такими рассказами, как «Портрет», «Смерть Налымовых», «Однажды ночью», «Катенька (Из записок офицера)», «Соревнователь», «Яшмовая тетрадь» и «Злосчастный». Действие рассказа, как и других произведений, составивших раздел «Минувшее», по замечанию Л.М. Поляк, перекидывается «в знакомые дворянские усадьбы» [2. С. 90].

В центре повествования – усадьба Липки и ее обитатели: тетушка Анна Матвеевна и ее племянницы сестры Перовы, красавицы Варя и Анюта. Их уединение нарушает прибывший в губернию из Петербурга поручик в отставке Иван Васильевич Кремер. Подогреваемый разговорами о женщинах «нечеловеческой красоты», любопытством и пари, он придумывает деловой предлог и отправляется в Липки. В описании усадьбы и ее обитателей заметно влияние не Тургенева, а именно Гончарова. Интерес к его прозе мог быть вызван рядом мероприятий, связанных с празднованием 100-летнего юбилея со дня рождения писателя.

Юбилей Гончарова широко отмечался в июне 1912 г. В «Русских ведомостях» (1912. 6 июня) появился ряд публикаций в связи с чествованием памяти писателя (Б.п. «Москва, 6 июня». С. 1; Игнатов И. «Поэзия покоя. (И.А. Гончаров. 1812–1912)». С. 2–3). В заметке без подписи на первой полосе газеты (Б.п. «Москва, 6 июня». С. 1) вспоминались «картины, типы, фигуры, бытовые особенности, изображенные знаменитым романистом, характерные для своего времени, но теперь значительно изменившиеся или исчезнувшие» [8. С. 1]. Среди первых назывались общественные и семейные отношения, понятие о достоинстве, к последним причисляются «русская обломовщина» и «русская адуевщина», т.е. бюрократизм, брезгливое отношение ко всему живому и меняющемуся. В обстоятельной статье И. Игнатова «Поэзия покоя (И.А. Гончаров. 1812–1912)» [9. С. 2–3] рассматриваются гончаровские образы с точки зрения знаменитой речи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1860). Автор статьи не находит в них ни Гамлета, ни Дон-Кихота, в них «есть кто-то еще, какой-то третий, который не похож на них, и этот третий или характеризует человека целиком, или примешивается к Дон-Кихоту, чтобы вместе с ним давать различные вариации человеческих типов», – это спокойный и ленивый оруженосец Санчо Панса, «существо жаждущее покоя, ценящее его и способное им наслаждаться» [Там же. С. 2]. Трагедия тургеневских Гамлетов, по мысли критика, заключается в конфликте природы оруженосца с сознанием Дон-Кихота. В женских образах Тургенева, напротив, сознание Санчо Пансы борется «с требованиями донкихотской природы» [9. С. 2]. Гончаров – «поэт людей неразвоенных», как пишет Игнатов, один из элементов их природы, их природы – Санчо Панса – не противоречит требованиям сознания, не вступает с ним в конфликт, что создает мирную и спокойную атмосферу изображенных Гончаровым помещичьих усадеб. «“Затишье”, – скромная помещичья усадьба, с патриархальными нравами, с мирными стремлениями, – была у Тургенева местом глубокого трагизма, неосуществленных порывов,

оскорбленных стремлений. В Обломовке ничего подобного нет, нет противоречий, нет неосуществленных мечтаний. Тихие, спокойные Санчо Панса мирно пребывают в состоянии неподвижности, и нет такого Дон-Кихота, который спугнул бы мирное настроение, потребовал бы оруженосца к деятельности» [9. С. 2].

Этот мир патриархальной старинной усадьбы с ее повседневными заботами и простой жизнью на фоне природы воссоздает Толстой в рассказе «Девушки». Его герои варят варенье, судятся с крестьянами и принимают гостей, они рано ложатся, ни с кем не знают («себя соблюдают») и читают по вечерам вслух роман «Обрыв» Гончарова – это мир, словно списанный с усадьбы Малиновка и ее обитателей: бабушки, Татьяны Марковны Бережковой и сестер Веры и Марфеньки. Как и в романе Гончарова, в начале рассказа Толстой дает краткую характеристику провинциального губернского города, живущего слухами и сплетнями. Основное же действие перенесено в усадьбу.

Следуя традиции усадебной прозы, он подготавливает и гостя, и читателя к ее появлению. «Тихой, сонной рысью пробирался Райский, в рогожной перекладной кибитке, на тройке тощих лошадей, по перелюкам, к своей усадьбе», – описывает дорогу героя Гончаров. Вслед за ним читатель видит вьющийся из трубы дымок, кровлю старого дома и осеняющий его сад. Как видим, традиционному для русской литературы описанию дороги главного героя (вспомним пушкинского «Евгения Онегина», «Мертвые души» Гоголя, героев Льва Толстого и др.) отводится незначительная роль. Кроме того, Иван Васильевич Кремер, герой рассказа Толстого «Девушки», в продолжении четырехчасового пути дремал, поэтому автор ограничивается ироничным замечанием: «Действительно, если слушать, как крутится, захлебываясь, железное кольцо колокольчика, глядеть на ровную, зеленую, желтую, вдали вспаханную степь, вглядываться в зыбкие волны пара на горизонте и думать – ей-богу не стоит, заведут такого созерцателя подобные мысли в трудные места» [10. С. 315]. Подъезжая к усадьбе, путешественник видит «зеленые бока оврагов, глиняные водомоины, прудки, на склонах скот, отраженный в воде, и вдалеке темный кудрявый сад и в нем купол беседки» [Там же]. В глубине лужайки появляется старый, «обветренный от непогоды» дом; виднеется балкон, кипящий самовар на круглом столе, перекинутый через балюстраду турецкий шарф и белая туфелька; из сада доносится запах цветов и влаги. Упоминание видневшейся беседки не случайно: она отсылает к беседке-ротонде – месту свиданий Веры и Марка Волохова в романе Гончарова «Обрыв». Также это могло быть связано с юбилейными торжествами: 6 (18) июня 1912 г. в Винновке, имении дворянского рода Киндяковых, по заказу последней его представительницы Е.М. Перси-Френч по проекту архитектора А.А. Шодэ была открыта беседка-ротонда в дорическом стиле с четырехгранным обелиском. Замысел романа «Обрыв» возник у Гончарова именно в усадьбе Киндяковых, где писатель гостил летом 1849 г., а прообразом усадьбы Бориса Райского Малиновка послужило имение Киндяковых. Н.А. Державин писал: «Местность, связываемая с гончаровским “Обрывом”, находится в полуго-

ра верстах от города и известна у симбирских жителей под названием “Киндяковки”, полученным ею от фамилии прежних ее владельцев. В настоящее время Киндяковкой владеет г-жа Перси-Френч, заботливо относящаяся к сохранению рощи, парка, усадьбы и обрыва к Волге в том виде, в каком все это было во время посещения Киндяковки Гончаровым и в каком все это изображено им в своем бессмертном романе» [11. С. 872]. Таким образом, упоминание беседки и описание дороги героя связывают рассказ «Девушки» Толстого с романом Гончарова «Обрыв».

Помимо аллюзии сюжетного уровня – неожиданный приезд незнакомого мужчины в усадьбу, где уединенно живут девушки-сироты и их тетушка (у Гончарова – бабушка), Толстой активно использует текстовые аллюзии. «Чорт возьми, а вдруг они – рожки!» [10. С. 315], – думает Кремер, подъезжая к усадьбе Липки. Тревожные мысли героя рассказа отсылают к размышлениям Райского, решившего навестить свою двоюродную бабушку в усадьбе Малиновка. «Бабушка! – с радостью воскликнул Райский. – Боже мой! она зовет меня: еду, еду! Ведь там тишина, здоровый воздух, здоровая пища, ласки доброй, нежной, умной женщины; и еще две сестры, два новых, неизвестных мне и в то же время близких лица... (“барышни в провинции! немного страшно: может быть уроды!” – успел он подумать, поморщась...)» [12. С. 122].

В тексте рассказа Толстого встречаются и имплицитные цитатные аллюзии, в частности, упоминание оставленной у порога маленькой белой туфельки, которую подбирает Кремер и после тщательного осмотра («Туфля маленькая, с высоким подъемом, значит, нога стройная и полная. Носок зашаркан от беготни по траве... а внутри следы краски... от красного чулка...») [10. С. 316]) решает взобраться по осине в комнату девушек, чтобы отдать хозяйке. На лакированный башмак Марфиньки с красной сафьянной отделкой и с пряжкой обращает внимание на прогулке Райский: «Ты любишь щеголять, Марфинька: лакированный башмак!» [12. С. 176].

Хранит мир усадьбы Липки и оберегает девушек от гостей тетушка Анна Матвеевна. Тетушка – «сморщенная старуха в наколке» – недоверчиво осматривает гостя: «Вам что угодно, мы не принимаем, – спросила старуха, держась за косяк, – брови у нее поднялись, и смиренные глаза глядели с новым страхом на черные подусники гостя...» [13. С. 142]. Текст журнальной публикации в «Живом слове» Толстой переработал для издания третьего тома «Сочинений» в 1913 г., как и другие произведения, которые сначала публиковались в периодической печати, а затем были включены в собрание сочинений писателя. В журнале «Живое слово» она, увлеченно рассказывая о тяжбе с крестьянами, забывает о госте: «Потом спохватилась, угостила чаем и, наконец, принесла свечу, глядя, как Иван Васильевич ест лепешки» [7. С. 2]. В «Сочинениях», благодаря замене «и, наконец, принесла свечу, глядя» на «с умилением глядела», на первый план выходят ее хозяйственность и распорядительность: «Потом спохватилась, угостила чаем и с умилением глядела, как Иван Васильевич ест лепеш-

ки» [13. С. 142–143]. В «Сочинениях» Анна Матвеевна сентиментальна, но в меру, по сравнению с журнальным текстом здесь на первый план выходят ее хозяйственность и распорядительность. На вопрос Кремера о племянницах она «смолчала...на глазах у нее стояли слезы, и старушечьи губы опустились углами вниз» [Там же. С. 143]. В журнале расчувствовавшуюся старушку прерывает Кремер: «Раненько завтра подниматься, – окончил он после молчания, – я пожалуй, пойду спать...» [7. С. 3]. В «Сочинениях» эти слова отсутствуют, тетушка тотчас произносит: «В угловой, батюшка, ляжете, а закуску на ночь с бабой пришлю...» [13. С. 143].

Традиционный усадебный быт и порядок в доме, поддерживаемый усилиями тетушки, навевают скуку и вызывают противоречивые чувства молодых обитателей усадьбы Липки, красавиц Вари и Анюты. С образами сестер, читающих «Обрыв» и размышляющих о своей природе, связан мотив искушения и грехопадения: «Какие мы ангелы... вот роман читаем...» [10. С. 318], – говорит Анюта; «И я тоже страдаю, потому что мы земнородные... – отвечает ей сестра. – Пойми – каждая девушка хранит небесный огонь. А мужчина смертный – его дело похитить огонь, а наше хранить. Вот почему к нам лезут со всех сторон...» [Там же].

Небольшой правке в «Сочинениях» подвергается описание комнаты сестер: в журнале «Живое слово» был обозначен цвет шторы в комнате девушек – красный, который в «Сочинениях» снимается автором как неточная деталь в описании белой комнаты сестер. Варя и Анюта читают роман Гончарова «Обрыв», и «падение» его героини, Веры, заставляет младшую, Анюту, усомниться в правильности их образа жизни. Таким образом, через чтение «Обрыва» в жизнь девушек входит актуальный в начале XX в. «женский вопрос», который наряду с «половым вопросом» стал широко обсуждаться представителями образованной элиты в 1889 г. в связи с распространением рукописи повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната» [14. С. 223–225]. «Половой вопрос» стал постоянной темой обсуждения широкой аудитории после революции 1905 г., когда проблемы насилия, беспорядков и вождления привели к «сексуальному кризису». «На протяжении последних 10–15 лет, – писал психиатр А.Н. Бернштейн в 1908 г., – половой вопрос изучается со всевозможных точек зрения – биологической и экономической, социальной и моральной, юридической и патологической, гигиенической и религиозной; и наоборот, вопросы этики и права, политической экономии и философии пересматриваются с точки зрения половой жизни» [15. С. 5]. В рассказе Толстого «половой вопрос» затронут в разговоре девушек, далеких от дискуссий, разворачивающихся в столице. Легкомысленный комментарий «падения» героини Гончарова, данный младшей сестрой Анютотой («...ты сама видишь, писатель вывел самых лучших девушек и все-таки одна не выдержала...» [10. С. 318]), вызывает отповедь старшей, Вари:

«– Какая ты ничтожная, как хочется тебе всей этой будничной гадости... Неужто ты не в силах сломить желание; ужасно. У каждой из нас словно жернов

привешен (курсив мой. – А.А.)... Будь сильной, Анюта; ведь если в лесу с тобой повстречаются волки, ты не захочешь, чтобы съели тебя...» [Там же].

Слова Вари отсылают к Евангелию от Матфея («...а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили в глубине морской» – Мф. 18:6), а также к «опытам над Марфенькой» Райского, к бесплодным попыткам над ее развитием. Каждая его попытка соблазнить невинную

и непосредственную Марфеньку заканчивается провалом: «Как он ни затрагивает ее ум, самолюбие, ту или другую сторону сердца – никак не может вывести ее из круга ранних, девических понятий, теплых, домашних чувств, логики преданий и преподанных бабушкой уроков» [12. С. 248].

Работая над текстом рассказа для «Сочинений», Толстой вернулся к образу Анюты, убрав из разговора девушек ее беспокойство и неуверенность, оставив только любопытство:

Журнал «Живое слово»	«Сочинения» (изд-я 1913, 1917, 1918 гг.)
«– Сегодня, право, Анюта, не узнаю тебя, – ответил голос читавшей, – ты взволнована... Неужто тебе нужна вся эта грубость... – Конечно, нет... А любопытно...» [7. С. 3]; «– Варя, погадай, мне беспокожно» [Там же]	«– Сегодня, право, Анюта, не узнаю тебя, – ответил голос читавшей, – ты взволнована... Неужто тебе нужна вся эта грубость... – Все-таки любопытно...»; «– Варя, погадай мне» [13. С. 145]

Последняя фраза героини («Конечно, нет... А любопытно...») была изменена Толстым на задумчивое: «Все-таки любопытно» [13. С. 145], а ее просьба погадать: «Варя, погадай, мне беспокожно» [7. С. 3], в издании «Сочинений» стала проще и эмоционально нейтральной: «Варя, погадай мне» [13. С. 145]. Причина сомнений Анюты не только в прочитанном романе, но и в природной чувствительности и эмоциональности героини, которая в «Сочинениях» автором, как и ее беспокойство, снимается. Толстой убирает характеризующую ее возбужденность деталь – «до слез»: при появлении в комнате Кремера она «смеялась этому до слез, тряся пальцами» [7. С. 3]; в «Сочинениях» стало: «смеялась этому, тряся пальцами» [13. С. 148].

Описания, связанные с поведением Вари в присутствии Кремера, автор также снимает. Так, например, смех и усмешка появлялись у нее при виде неожиданно вошедшей и заставшей с ними гостя тетушки: «У стены, заложив руки от смеха, стояла Варя, как всегда в мягких туфлях, кривя тонкие губы усмешкой» [7. С. 3], где «от смеха» и не имеющая отношения к повествованию деталь («как всегда в мягких туфлях») сокращаются автором: «У стены, заложив руки, стояла Варя, как всегда, но кривила тонкие губы усмешкой» [13. С. 148], что придает образу большую цельность, а описываемой сцене с Кремером – ясность.

Характеры толстовских героинь соответствуют предложенным Гончаровым образам: Варя, чуткая и предчувствующая опыт, как Вера, которая уже «угадала или уследила перспективу впечатлений, борьбу

чувств и предугадывает ход и, может быть, драму страсти, и понимает, как глубоко входит эта драма в жизнь женщины» [12. С. 386]. Младшей, «бессознательной девочке» Анюте, которая своей непосредственностью и эмоциональностью напоминает Марфиньку, она пытается объяснить: «Конечно, и для нас придет день, как и для всякой девушки, так уж лучше не думать о нем, не ждать, оттягивать... Из умных станем мы обыкновенными, из прозорливых слепыми... знаем роды и смерть...» [10. С. 318].

Идиллическое описание патриархальной жизни в усадьбе Липки создается не только при помощи образов тетушки-хозяйки, главной фигуры в доме, и определяющих жизнь его обитателей таких физиологических явлений, как еда и сон (выпив молока, сестры рано отправляются спать), но и благодаря архаичным лексическим средствам. В первой публикации рассказа в журнале «Живое слово», как и в прижизненных изданиях «Сочинений» Толстого, встретились две формы: она «прочла документ, усадила гостя и, дотрогиваясь до его колена, принялась пространно рассказывать о тяжбе своей с крестьянами...», где «дотрогиваясь» – устаревшая форма написания слова «дотрагиваться» [16. С. 484]. Другое слово связано с описанием крестьянки Анисьи, которая принесла Ивану Васильевичу холодный ужин: «Немного погодя вошла высокая и просторная баба...».

Становится очевидным, что правка для «Сочинений» носила смысловой характер. Как и в других рассказах этого периода, Толстой вносил изменения, связанные с образом главного героя.

Журнал «Живое слово»	«Сочинения» (изд-я 1913, 1917, 1918 гг.)
«новый земский начальник, гвардии-поручик в отставке», назначенный «на участок, в который входило село и усадьба Липки» [7. С. 2]	«новый чиновник, поручик», назначенный «в губернию» [13. С. 140]

Как видим, в «Сочинениях» должность героя и звание – чиновник, поручик – обозначены более просто, что, вероятно, ассоциировалось с известными героями русской классической литературы, на которую в поисках героя рассказов 1911–1914 гг. Толстой в это время ориентировался. Поручиками были герой «Невского проспекта» Н.В. Гоголя, Нехлюдов в «Вос-

кресении» Л.Н. Толстого, Дмитрий Карамазов Ф.М. Достоевского. Как и другой поручик, Вулич из лермонтовского «Героя нашего времени», Кремер испытывает судьбу. В тексте «Живого слова» дважды упоминалось пари, которое Иван Васильевич заключил в городе: «Между прочими сплетнями рассказали и о липкинских сестрах, – обзавав их на этот раз

женщинами нечеловеческой красоты. Иван Васильевич загорелся. На именинах у предводителя подогрел себя еще невероятным пари, и вскоре, придумав деловой предлог, поехал в Липки» [7. С. 2]. Второе упоминание о заключенном пари увидеть таинственных красавиц («Иван Васильевич живо подбежал к окну, просунулся в сад и стал слушать; потом дернул плечами и закусил усы, раздумывая, как бы удобнее выполнить пари» [Там же]) в «Сочинениях» было снято автором: «Иван Васильевич живо подбежал к окну, просунулся в сад и стал слушать, раздумывая, как бы увидеть девиц» [13. С. 143].

Двойное пари заключают и герои Гончарова – Райский и Марк: Марк убежден, что Райский первым влюбится в Веру; влюбится Вера, предлагает ответное пари Райский.

В рецензии на «Сочинения» В. Смельский назвал раздел «Минувшее», в который вошел рассказ «Девушки», лучшим [17. С. 327]. Автор другого отзыва на книгу, говоря о любви Толстого к новизне, «экстравагантным встречам и дерзновенным положениям», объясняет, в чем проявляются эти свойства: «Одного героя он заставляет гнаться с ножом в руке за любимой девушкой (“Трагик”). Другого заставляет объясняться в любви с верхушки осины (“Девушки”) <...> И он при всяком удобном и неудобном случае торопится проявить свой боевой темперамент. Говоря другими словами, это писатель, полный здорового восхищения жизнью. Ему нравится ее стук и треск. Нравятся молодые девушки, живые цветы и маленькие радости, разлитые в природе» [18. С. 666]. В прижизненной критике неоднократно отмечалась странность и алогизм по-

ведения героев Толстого и, в частности, неправдоподобие образов раздела «Минувшее», куда вошел рассказ «Девушки», что заставляли задуматься – существуют ли они. Так, по мнению рецензента «Русского богатства», «это мертвецы, беззаботно разгуливающие в живой толпе живых людей, это именно *призраки*, странные архаические обломки, покинувшие свои музейные витрины и вмешавшиеся в дела сегодняшнего дня» [19. С. 357]. Не только дневниковые записи Толстого этого периода, но и исследования последних лет свидетельствуют о том, что его герои имели (или могли иметь) прототипы [20].

В усадебной прозе Толстого, и в частности в рассказе «Девушки», отражены типичные для культуры рубежа веков процессы: стремление сохранить дворянско-крестьянскую «усадебную культуру», с одной стороны, и «подвести итог полуторавекового ее расцвета» [5. С. 272] – с другой. Действие рассказа, как и многих других произведений писателя этого периода (1909–1914 гг.), например, «Соревнователь» или «Яшмовая тетрадь», «Утоли моя печали» и «Трагик», происходит в усадьбе. Все они «пронизаны характерным для эпохи настроением пассаизма – направления в литературе и искусстве начала XX в., отмеченного пристрастием к минувшему, прошлому и недоверчивым отношением к настоящему и будущему» [21. С. 10], но в развитии усадебной темы Толстой следует традиции русской литературы XIX в., и в частности усадебной прозы Гончарова, о чем свидетельствует и небольшое вступление с описанием провинциального города и дороги героя, а также патриархально-идиллическое описание жизни усадьбы Липки и ее обитателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова А.М. А.Н. Толстой и русская литература. (Творческая индивидуальность в литературном процессе). М. : Наука, 1990. 260 с.
2. Поляк Л.М. Алексей Толстой – художник. М. : Наука, 1964. 461 с.
3. Богданова О.А. Рассказ А.Н. Толстого «Утоли моя печали» в контексте русской культуры // Алексей Толстой: диалоги со временем. М. : Литературный музей, 2017. Вып. 2. С. 9–19.
4. Глазкова М.В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
5. Щукин В.Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. М. : РОССПЭН, 2007. 610 с.
6. Акимова А.С. Истоки и трансформация образа актера в рассказе А.Н. Толстого «Трагик» (1913) // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 109–116.
7. Толстой А.Н. Девушки // Живое слово. 1913. № 2. Январь. С. 2–4.
8. Русские ведомости. 1912. 6 июня.
9. Игнатов И. Поэзия покоя (И.А. Гончаров. 1812–1912) // Русские ведомости. 1912. 6 июня. С. 2–3.
10. Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: в 15 т. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1949–1953. Т. 2.
11. Державин Н.А. На родине И.А. Гончарова (К столетию рождения знаменитого романиста // Исторический вестник. 1912. Т. 128, № 6. С. 869–877.
12. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997–... Т. 7.
13. Толстой А.Н. Сочинения: в 10 т. М. : Кн-во писателей в Москве, 1913. Т. 3. С. 140–149.
14. Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М. : «ТЕРРА»–«TERRA», 1996. 571 с.
15. Бернштейн А.Н. Вопросы половой жизни в программе семейного и школьного воспитания. М. : Тип. Т-ва Кушнерев и К°, 1908. 31 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : «ТЕРРА»–«TERRA», 1995. Т. 1.
17. Смельский В. <Рецензия> // Литература и искусство (приложение к газете «День»). 1913. 2 декабря. С. 327.
18. [Б.п.] Толстой Ал.Н., гр. Т. III. «Книгоиздательство» писателей в Москве», 1913 // Бюллетени литературы и жизни. 1914. № 21. Июль. С. 665–667.
19. [Б.п.] Гр. Алексей Н. Толстой. Сочинения. Т. III // Русское богатство. 1914. № 2. Февраль. С. 357–359.
20. Громова Т.А. Симбирские прототипы героев А.Н. Толстого в повести «Приключения Растегина» // Краеведческие записки : сб. науч. тр. обл. науч. конф. «История и современность». Ульяновск, 2006. Вып. 12. С. 166–174.
21. Богданова О.А. «Усадебная культура» в русской литературе XIX–начала XX века. Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. 2 (13). С. 14–26.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2018 г.

Traditions of Description of “Estate Culture” in Aleksey N. Tolstoy’s Story “Devushki”
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 5–10.
 DOI: 10.17223/15617793/438/1

Anna S. Akimova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).
E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Keywords: “estate text”; intertextuality; I.A. Goncharov; A.N. Tolstoy; textology; socio-cultural context.

The article examines the influence of the literary tradition of portraying manors on the works of Aleksey N. Tolstoy. On the example of the 1913 story “Devushki” [Girls], the problem of internal contacts of the writer with Ivan Goncharov is first raised. The biographical, sociocultural and textological approaches to the study of texts used in the study make it possible to reveal the plot and text allusions to Goncharov’s *Obryv* [The Precipice]. As a result of the analysis of the periodicals and the study of the cultural life of the beginning of the century, it was found that the story was not only influenced by the novel but also by events dedicated to the writer’s 100th birthday, widely celebrated in 1912, and by discussions of the early twentieth century related to the “sexual issue”, touched upon in the novel and actualized with the writing of *Kreytserovaya sonata* [Kreutzer Sonata] by Leo Tolstoy. Consequently, Tolstoy’s story “Devushki” reflects processes typical for the culture of the turn of the century: the idealistic image of the past and the desire to preserve the “estate culture”. The story reflected predilection for the past and distrust of the present, characteristic for the epoch, which allows to consider it in the context of the writer’s estate prose and to talk about the continuation of the tradition of nineteenth-century Russian literature and, in particular, Goncharov’s “estate prose”. Tolstoy’s orientation to the tradition of depicting the aristocratic manor, developed in the Russian literature of the 19th century and, in particular, in Goncharov’s prose, manifests itself both at the content level and at the compositional one. In the story, the author recreates the world of a patriarchal manor with its daily worries and life against the backdrop of nature. His characters make jam, are at law with peasants, receive guests, they go to bed early, do not know anyone and read Goncharov’s novel *Obryv* in the evenings. This is the world, as if written off from the estate of Malinovka and its inhabitants, grandmothers, Tatyana Markovna Berezhkova and the sisters Vera and Marfen’ka. Like in the novel, at the beginning of the story Tolstoy shows the life of a provincial town, living with rumors and gossip, the main action is transferred to the estate. In the estate prose of Goncharov and Tolstoy, the motive of the path of the main hero acquires great importance, during which he has the opportunity not only to feel the vastness of his native spaces, but also to think about the purpose of his path and prepare himself for the perception of the estate and its inhabitants.

REFERENCES

1. Kryukova, A.M. (1990) *A.N. Tolstoy i russkaya literatura. (Tvorcheskaya individual'nost' v literaturnom protsesse)* [A.N. Tolstoy and Russian literature. (Creative individuality in the literary process)]. Moscow: Nauka.
2. Polyak, L.M. (1964) *Aleksey Tolstoy – khudozhnik* [Alexey Tolstoy as an artist]. Moscow: Nauka.
3. Bogdanova, O.A. (2017) Rasskaz A.N. Tolstogo “Utoli moya pechali” v kontekste russkoy kul'tury [A.N. Tolstoy’s story “Soothe my sorrows” in the context of Russian culture]. In: Radomskaya, T.I. (ed.) *Aleksey Tolstoy: dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: dialogues with time]. Is. 2. Moscow: Literaturnyy muzey.
4. Glazkova, M.V. (2008) “Usadebnyy tekst” v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka (I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, A.A. Fet) [“Estate Text” in Russian literature of the second half of the 19th century (I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, A.A. Fet)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Shchukin, V.G. (2007) *Rossiyskiy geniy prosveshcheniya: issledovaniya v oblasti mifopoetiki i istorii idey* [The Russian genius of education: research in the field of mythopoetics and the history of ideas]. Moscow: ROSSPEN.
6. Akimova, A.S. (2017) The Origins and Transformation of the Image of Actor in A.N. Tolstoy’s Story “The Tragedian” (1913). *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 4 (43). pp. 109–116. (In Russian).
7. Tolstoy, A.N. (1913) Devushki [Girls]. *Zhivoe slovo*. 2. January. pp. 2–4.
8. *Russkie vedomosti*. (1912) 6 June.
9. Ignatov, I. (1912) Poeziya pokoya (I.A. Goncharov. 1812–1912) [The poetry of rest (I.A. Goncharov. 1812–1912)]. *Russkie vedomosti*. 6 June. pp. 2–3.
10. Tolstoy, A.N. (1949–1953) *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols]. Vol. 2. Moscow: Gos. izd-vo khud. literature.
11. Derzhavin, N.A. (1912) Na rodine I.A. Goncharova (K stoletiyu rozhdeniya znamenitogo romanista [In the homeland of I.A. Goncharov (Towards the centenary of the birth of the famous novelist)]. *Istoricheskiy vestnik*. 128(6). pp. 869–877.
12. Goncharov, I.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 7. St. Petersburg: Nauka.
13. Tolstoy, A.N. (1913) *Sochineniya: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 3. Moscow: Kn-vo pisateley v Moskve. pp. 140–149.
14. Engel'shteyn, L. (1996) *Klyuchi schast'ya. Seks i poiski putey obnoveniya Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Keys of happiness. Sex and the search for ways to update Russia at the turn of the 20th century]. Moscow: “TERRA”-“TERRA”.
15. Bernshteyn, A.N. (1908) *Voprosy polovoy zhizni v programme semeynogo i shkol'nogo vospitaniya* [Sex life issues in the program of family and school education]. Moscow: Tip. T-va Kushnerev i K°.
16. Dahl, V.I. (1995) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: “TERRA”-“TERRA”.
17. Smel'skiy, V. (1913) <Retsenziya> [<Review>]. *Literatura i iskusstvo*. (Supplement to the Newspaper Den). 2 December. pp. 327.
18. [Anon.] (1914) Tolstoy A.I.N., gr. T. III. “Knigoizdatel'stvo” pisateley v Moskve”, 1913 [Count Tolstoy A.I.N., Vol. III. “Publishing of writers in Moscow”, 1913]. *Byulleteni literatury i zhizni*. 21. July. pp. 665–667.
19. [Anon.] (1914) Gr. Aleksey N. Tolstoy. Sochineniya. T. III [Count Aleksey N. Tolstoy. Writings. Vol. III]. *Russkoe bogatstvo*. 2. February. pp. 357–359.
20. Gromova, T.A. (2006) Simbirskie prototipy geroev A.N. Tolstogo v povesti “Priklyucheniya Rastegina” [Simbirsk prototypes of A.N. Tolstoy’s characters in the story “Rastegin’s Adventures”]. In: Volodina, Yu.K., Borodina, O.E. & Gismatulin, M.R. (eds) *Kraevedcheskie zapiski* [Local Lore Notes]. Is. 12. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya.
21. Bogdanova, O.A. (2010) “Usadebnaya kul'tura” v russkoy literature XIX – nachala XX veka. Sotsiokul'turnyy aspekt [“Estate Culture” in Russian literature of the 19th – early 20th centuries. A socio-cultural aspect]. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 2 (13). pp. 14–26.

Received: 17 September 2018